

ДЖУЛИЯ ХИБЕРЛИН

НОЧЬ ТЕБЯ НАЙДЕТ

РОМАН

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
X 42

Julia Heaberlin
NIGHT WILL FIND YOU
Copyright © 2023 by Julia Heaberlin
This edition published by arrangement
with InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency
All rights reserved

Перевод с английского Марины Клеветенко

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Хиберлин Д.

X 42 Ночь тебя найдет : роман / Джулия Хиберлин ; пер. с англ. М. Клеветенко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 448 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-26713-8

Когда ей было десять лет, Вивиан Роуз Буше сделала невозможное предсказание — и спасла чужую жизнь. Спасенный мальчик — Майк — вырос и стал полицейским, а Вивиан — астрофизиком, возможно обнаружившим свидетельство того, что мы не одни во Вселенной. Но Майк верит и в паранормальные таланты Вивиан — и просит ее помочь в поисках маленькой девочки, десять лет назад бесследно пропавшей из викторианского особняка. Неразгаданная загадка будоражит и родных девочки, и самых безбашенных конспирологов...

Впервые на русском — новейший психотриллер Джулии Хиберлин, автора международных бестселлеров, переведенных на 20 языков. На основе романа телеканал *Fox* уже готовится снимать сериал.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-26713-8

© М. В. Клеветенко, перевод, 2025
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

Как ни совершенно крыло птицы, оно никогда не смогло бы поднять ее ввысь, не опираясь на воздух. Факты — это воздух ученого.

*Иван Павлов, физиолог, лауреат Нобелевской премии.
«Письмо к молодежи»*

Практически каждый важный шаг или решение, которое Рейганы принимали во время моего пребывания на посту главы администрации Белого дома, они заранее согласовывали с женщиной из Сан-Франциско, которая составляла гороскопы, дабы убедиться, что планеты благоприятствуют задуманному.

Дональд Риган. Для протокола

ПРОЛОГ

Ступени были слишком крутыми для девочки, которая по стеночке спускалась в подвал. Перил не было, только отвесный обрыв во тьму и бетонный пол внизу, о который я расшиблась бы.

Все, что от меня требовалось, — вытащить белье из дребезжащей стиральной машины у подножия лестницы и, цепляясь за стенку, подняться обратно.

Мне *ни в коем случае* нельзя было исследовать кровавенный и жутковатый хаос подвала или черную книжицу размером примерно восемь на десять и толщиной в два дюйма, которая закрывалась на защелку. Щелчок эхом отразился от заросших плесенью стен, когда я ее открыла.

Нельзя сказать, что в детстве я отличалась особой храбростью. Боялась американских горок, делать сальто назад, фильмов ужасов и даже стены за кроватью. Ночью, когда мама выключала свет, я стучала по стене кулаком, чтобы убедиться в ее прочности. Сестра сдала меня, и мама ограничила мои упражнения пятьюдесятью ударами — немало, но мне не хватало. Я была уверена, что рано или поздно во сне просочусь сквозь стену, и никто не узнает, куда меня забросило.

И все же несколько раз, когда я оставалась дома одна, а стиральная машина замолкала, я открывала дверцу из кухни на лестницу и спускалась, рискуя свернуть шею.

Я поднимала фонарик с верхней ступени. Сердце выпрыгивало из груди. Легкие заполняли запахи земли и гнили. Я кралась сквозь подземный мир, вырубленный в склоне хребта Вирджиния, в полной уверенности, что это и есть та самая преисподняя, о которой любят упоминать взрослые. Трещина от удара молнии в грязном бетонном полу наглядно свидетельствовала, как отчаянно колотили в пол проклятые души, пытаясь вылезти наружу.

Я пробиралась в центр подвала, осторожно переступив трещину. Вставала на цыпочки и рукой болтала над головой, пока не чувствовала щекотное касание лески, свисавшей с потолка.

Я тянула за нее, голая лампочка рассеивала тени, и мне казалось, будто я нахожусь в голове у мамы. Именно здесь она писала портреты и цветные кляксы на деревянных мольбертах, чистила объективы и свой пистолет, здесь люди, подобно призракам, проявлялись на бумаге прямо из неприятно пахнущих растворов, здесь по стенам висел ее старый садовый инвентарь с крупными зубьями.

И здесь же, в старом сундуке, мама хранила страшный фотоальбом. Книгу ужасов. Книгу печали. Книгу смерти. Книгу о *мертвецах*. А моя мама стояла по другую сторону объектива.

Мать-одиночка, она разрывалась между бесчисленными работами, за которые она бралась, чтобы свести концы с концами. Официантка, парикмахерша, продавщица на складе лесоматериалов, буфетчица. Гор-

ничная, секретарша, оператор автопогрузчика, помощница сантехника, модель в автосалоне.

Она была прекрасной синеглазой Золушкой, которая постоянно опаздывала на работу, до волдырей натирала хорошенькие ножки дешевыми неудобными туфлями не по размеру и гадала по ладони в обеденный перерыв. Работодатели, мгновенно подпадавшие под ее обаяние, с той же скоростью в ней разочаровывались.

В год, когда мне исполнилось десять и все пошло наперекосяк, она подрядилась работать фотографом в окружном морге. Мама снимала людей, начиная с того места, где они умерли, и до стола, на котором коронер копался в их внутренностях. Когда я впервые увидела снимок крупным планом зашитого Y-образного разреза на белой волосатой груди, то подумала, не означает ли он первую букву имени умершего в небесной переключке, как в гимне «В час, когда труба Господня»¹.

Первый месяц работы криминальным фотографом мама возвращалась домой с красными глазами и посиневшими пальцами. До того, как она подписала контракт, вакансия была свободна семь месяцев. В зону ответственности входила обширная глухомань, а середина зимы на Голубом хребте славится особой суровостью.

¹ Известный христианский гимн «В час, когда труба Господня» был написан Джеймсом Мильтоном Блэком в 1893 году (перевод А. Пейкер):

В час, когда труба Господня
Над землю прозвучит
И настанет вечно светлая заря,
Имена Он всех спасенных
В переключке повторит.
Там, по милости Господней, буду я.

(Здесь и далее примеч. перев.)

Кому понравится, когда среди ночи тебя будит дребезжание телефона, заставляя натягивать пальто, а за окном пять градусов ниже нуля?¹ Никому не по душе воскресные самоубийства, когда карабкаешься по темным обледенелым дорогам к дому, где в окнах приветливо горит свет, а пол залит кровью. Высокий кровавый сезон в горных хижинах как раз с декабря по февраль.

Для тренировки маме вручили фотоаппарат, пачку голубых бахил и ламинированную карточку с ее фотографией. Велели снимать общий план, а затем покрупнее, насколько сумеет. Не хватало еще заблевать место преступления.

У нее отлично получалось снимать мертвецов. Я сидела на полу, скрестив ноги, и переворачивала страницы, а холод и сырость просачивались сквозь тонкие трусики.

Накрывала каждый снимок детской ладошкой.

Мертвый мужчина на столе для вскрытия.

Сердечный приступ, думала я.

Собака рядом с водоемом.

Собака любила печального человека, который вошел в воду и не вышел обратно.

Молодая бледнокожая женщина, руки и ноги раскинуты на кухонном кафеле под прямым углом. Высокие каблуки. Лужица черной крови, потому что фотография черно-белая.

Ее мужу сошло это с рук.

Сидя с книгой мертвых, я ощущала себя как никогда близко к маме. Порой ее было трудно понять, но в ней было так много всего, что можно любить.

¹ По Фаренгейту, то есть около минус 21 градуса по Цельсию.

За один сумасшедший вечер мама умела собрать пазл из тысячи кусочков. Напевала звенящую «О, благодать»¹, возилась с приبلудными котятами, рассказывала неприличные анекдоты, каждый Новый год курила сигары, безупречным каллиграфическим почерком писала рассказы, считала в уме быстрее всех на свете, украдкой рисовала углем нас со старшей сестрой и подкладывала портреты нам на подушки. А еще могла, не моргнув глазом, сделать холодный и расчетливый снимок мертвой женщины.

Когда она меня застукала, моя попа примерзла к полу, а альбом придавил колени, словно кирпич. Я насчитала двадцать один удар ее каблуков на ступенях. Мама рано вернулась с очередного собеседования.

До того, как нам придется срочно уносить ноги, оставалось две недели.

Она не вскрикнула. Просто опустилась рядом со мной на колени. Я ощущала, как холод бетона проникает через ее черные колготки, как будто это было мое колено, моя кость.

Я прошептала: «Как ты могла это снимать?»

Она прошептала в ответ: «А зачем ты открыла альбом?»

Затем прижалась губами к моему уху: «Потому что ты такая же, как я».

Когда я это вспоминаю, то и сейчас чувствую мамин палец, играющий гамму на моем позвоночнике.

¹ Христианский гимн «О, благодать» написан английским священником Джоном Ньютоном (1725–1807) и стал неотъемлемой частью американской популярной культуры (перевод Д. Ясько):

О, благодать, спасен тобой
Я из пучины бед;
Был мертв и чудом стал живой,
Был слеп и вижу свет.

Она *знала*.

Знала, что мертвая женщина шла за мной по пятам, когда я поднималась по ступеням, возвращаясь к теплу и свету.

Знала, что́ вынуждало меня вновь и вновь спускаться в подвал — чувство, будто я должна *что-то сделать*.

Потому что мертвую женщину на кухонном полу не остановила защелка на мамином фотоальбоме. Женщина шла по пятам не только за мной. Сбросив окровавленные туфельки, она следовала за моей матерью.

Часть 1

ВОСЕМНАДЦАТЬ
ЛЕТ СПУСТЯ

ГЛАВА 1

Я кладу ладонь на фотографию.

Ладонь прикрывает кучку костей.

Ее имя начинается на «О» или на «Э».

Определенно на гласную.

Она вросла в землю, как забытый обломок кораблекрушения на морском дне.

Из-за двери доносятся голоса двух мужчин — моего лучшего друга со времен детства, который верит, что я на короткой ноге с призраками, и незнакомца, считающего меня недоразумением. Оба копы. Оба на грани срыва. Я бы не возражала, если бы они ворвались сюда, чтобы с этим покончить и наконец-то решить, продолжать ли мне с девушкой, которая лежит под моими обгрызенными розовыми ногтями.

От стен комнаты для допросов у меня все внутри болит. В последнее время я бываю здесь так часто, что запомнила каждый шрам. Зловещие черные отметины на стенах, царапины от наручников на металле стола, кафельный пол с крупной выбоиной и бурым пятном.

Я разглядываю бледный полумесяц между большим и указательным пальцами — один из девяти шрамов на моем теле. Многовато для двадцативосьми-

летней женщины, которая до сих пор не считает себя особенно храброй.

Мой друг Майк, впрочем, уверен в моем бесстрашии. За последнюю пару месяцев он раз пять заманивал меня в эту комнату среди ночи, что не было тайной ни для кого в участке. Я слышала от копов, которые болтали у раковины, пока я сидела в кабинке, как они называют меня между собой.

Медиум Майка.

Полтергазм.

А еще говорят, что после того, как я заглядываю в свой хрустальный шар, в котором вижу мертвецов, Майк швыряет меня на стол и изменяет со мной жене.

Ни разу я не видела в хрустальном шаре ничего, заслуживающего внимания. А Майк никогда не изменяет жене, а уж тем более со мной. Он всегда ставит на стол две жестянки охлажденной колы, кладет стопку нераскрытых дел и уходит.

Не больше десяти папок, одни фотографии, таков уговор. Это все, что я способна осилить за один при-сест. И, по моей просьбе, никаких подробностей.

Я внимательно изучала каждую папку, а закончив, приклеивала к ней стикер. Часто я писала на стикере одно слово: «Ничего». Майк не возражал. Он говорил, что полицейских, которые работают с экстрасенсами, страшно радует сорокапроцентная точность подсказок, а я стабильно выдаю сорок два процента.

Время от времени Майк оставлял на столе сюрпри-зы. Пакет с розовым бантом, испачканным кровью девочки. Мужские часы со стрелками, застрявшими на трех сорока шести. Косточку размером с ноготь, похожую на птичью, но на деле самую мелкую и хрупкую кость человеческого лица. Так называемую слезную.

Часть слезного протока. Девушка, которой принадлежала косточка, плакала, когда ее связывали ее же собственной разорванной на полосы футболкой.

Менее трех часов, проведенных в этой комнате, — и потом еще несколько дней у меня раскалывалась голова.

Закончив, я составляла все — включая простой коричневый конверт с наличностью, вероятно из кармана Майка, — аккуратной стопкой.

На конверте всегда была надпись «для Вивви Роруз» — такими же печатными буквами, как на открытках с пожеланиями скорейшего выздоровления, которые он приносил в больницу, когда мне было одиннадцать.

Эти открытки, мои храбрые картонные защитники, стояли на подоконнике, словно солдатики: свинка в одеяле, собака со стетоскопом, аллигатор с перевязанным хвостом.

Сегодня Майк пригласил меня ближе к обеду, когда в участке самая толчея. Меня должны официально представить тому самому, скептически настроенному полицейскому за дверью. И я изучаю снимки одного дела, а не десятка.

Шрам в виде полумесяца покалывает. Ладонь, с которой как будто содрана кожа, все еще нависает над мертвой девушкой. *Опра? Элеонора?*

В голосе Майка растет раздражение, как тогда, когда он вмазал качку-старшекласснику, который спросил, могу ли я предсказать, что он засунет язык мне в горло.

Мне неприятно здесь находиться почти так же сильно, как не хочется подвести Майка.

Я перевожу взгляд на снимок черепа девушки, который держат чьи-то маленькие руки в фиолетовых

перчатках. Череп отполирован, как мраморный музейный бюст.

Я перебираю стопку фотографий, словно колоду карт, наугад всматриваясь в скорбящих рядом со второй, и последней, могилой убитой — не той, где убийца зарыл ее, словно бродячую собаку. Вынимаю телефон, собираясь открыть приложение с лупой.

Снаружи внезапно становится тихо. Дверь распахивается, и я резко поднимаю голову. Девушка-полицейская с бутылкой воды в руке неловко мнетя в проеме. Волосы и ногти красит сама, типичное угловатое личико местной красотки, над которым еще не успело потрудиться безжалостное техасское солнце.

— Привет, я Пайпер Сайкс. Майк решил, может быть, вы захотите попить?

Я быстро переворачиваю пачку фотографий, прежде чем она подходит ближе.

— Спасибо. — Я отвинчиваю крышку, ожидая, когда полицейская уйдет.

Вместо этого она берет стул и ставит его напротив моего. Достает из кармана маленький тюбик и как ни в чем не бывало начинает обводить помадой розовые губы. «Хиппи Шейк» от «Бобби Браун» — оттенок, который иногда наносит моя сестра, хотя название наводит на мысль о вилянии бедрами, а они у Бридж такие же плоские, как у девушки-копа. Странное поведение. Впрочем, я тоже могу быть странной.

— Гидрированный полиизобутен, изодецилизононаноат, оксикоккус палюстрис, — бормочу я.

— Это что, заклинание? — Голосок Пайпер чуть громче шепота.

— Разумеется.

Я делаю глоток. Пайпер невдомек, сколько химических веществ она наносит на губы, щеки, глаза и воло-

сы в погоне за красотой. Моя сестра это знает — с восьми лет я читаю ей этикетки косметических средств. Просто сестре все равно.

— Вы же экстрасенс, верно? — напирает Пайпер. — Я просто хотела предупредить вас до того, как Майк пригласит сюда Джесса Шарпа. Шарп — последний детектив на свете, который готов верить таким, как вы. Три года назад я посещала его лекции. Он всегда начинал и заканчивал их одной фразой: «Чувства манипулируют фактами, поэтому лучше их не испытывать». А ведь экстрасенс работает с чувствами, верно? — Она постукивает по стопке фотографий. — Вы должны знать, это не то дело, к которому Майк... к которому они хотят вас привлечь. *Вам устроили проверку.*

На последних словах ее брови поднимаются домиком. Я никогда не позволяю чертам лица себя выдать. А брови всегда прикрываю челкой.

Пайпер кладет прозрачную белую руку на стол ладонью вверх, словно я собираюсь взять у нее кровь. Теперь я понимаю. Она хочет, чтобы я предсказала ей будущее по линиям на ладони. Ответный жест в обмен на то, что она сейчас сказала и чего говорить ей определенно не следовало. Ведет себя, как истеричная женщина, а не как хороший полицейский.

— Вы не против взглянуть по-быстрому? — Ее голос дрожит. — Я сомневаюсь, выходить ли мне за Уэйлона, парня, с которым я живу. Во всяком случае, мои мать и сестра против. Мне не следовало называть его имя? Это нехорошо? Как это работает?

Не так. И не со мной.

Меня останавливает ее лицо. На нем написано нешуточное беспокойство. Я веду пальцем вдоль линии жизни, слишком короткой, если вы верите в такие вещи. Легко обвожу все линии на ладони, пока ее кожа

не покрывается мурашками. Линия брака. Линия сердца. Линия судьбы.

Я делаю вид, будто не замечаю ужасных багровых отпечатков от пальцев на сгибе локтя другой руки или слоя косметики, под которым ей почти удастся скрыть розовую полоску на правом виске. Уж кто-кто, а я умею маскировать шрамы. Обычно женщины-полицейские гордятся шрамами, полученными при исполнении, а не прячут их.

Я мягко снимаю ее помолвочное кольцо, бриллиант размером с подсолнечное семечко. Вдавливаю кольцо в тыльную сторону запястья, пока на коже не образуется маленький красный кружок.

— Металл, — говорю я. — Управляет двумя вещами. Правдой и злом.

Я закрываю глаза. Прошу Пайпер последовать моему примеру.

Я говорю, что, если отпечаток останется на коже дольше десяти секунд, Уэйлон убьет ее, если она его не бросит. Все это чушь собачья. Впрочем, такая же, как вера Пайпер в его порядочность.

Я успеваю досчитать до девяти, когда открываю глаза и понимаю, что легкий порыв ветра на счет «пять» исходил не от кондиционера.

Мужчина стоит, прислонившись спиной к открытой двери и скрестив на груди руки. И мне не нужен красный кружок на запястье, чтобы понять — от такого жди неприятностей.

Пайпер вскакивает, взгляд прикован к вмятине на коже.

Я тоже вскакиваю; передо мной друг Майка, детектив Джесс Шарп, и я гадаю, сколько глупостей из тех,

что я успела наговорить, он услышал. Пайпер меня подставила? Если ее прислали ради проверки, актриса из нее превосходная.

Фотографии раскиданы по всему полу, и я не знаю, кто из нас двоих сбросил их, когда мы резко вскочили со стульев. Уверена я только в том, что мой телефон тоже слетел со стола, и удар вышел нешуточный.

Всего три шага — и Джесс Шарп нависает надо мной. Такого, как он, не прошибешь. Это относится и к его эго. На боку пистолет, но он прекрасно обошелся бы и без пистолета. Майк стоит у него за спиной, на лице написано раскаяние. Он предупредил меня, что Шарп — парень резковатый, всегда идет до конца, для него мир поделен на черное и белое, как на гравюрах Эшера¹. Однако о таком типе доминирования он не упомянул. Когда Шарп в комнате, все остальное уменьшается, словно скукоживается. Воздух, пространство, я сама.

Мой телефон. Под ногами его нет, и я впадаю в легкую панику. Должно быть, закатился под стол. Утром я отключила пароль, чтобы не вводить его постоянно, есть у меня такая дурная привычка. Я отказываюсь подключать функцию распознавания лиц. Не хочу, чтобы кто-нибудь листал странные фотки, которые я делаю, слушал сбивчивые голосовые, надиктованные шепотом, или разглядывал мою историю интернет-запросов, из-за которой гугловские аналитики мечутся в панике, не зная, рекламу чего мне подсунуть: антипсихотика «Латуда» или хорроров Джордана Пила².

¹ *Мауриц Корнелис Эшер* (1898–1972) — нидерландский художник-график.

² *Джордан Пил* (р. 1979) — американский актер, комик и режиссер, постановщик культовых фильмов «Прочь» (2017), «Мы» (2019), «Нет» (2022).

Я падаю на пол и ползаю под столом, пока пальцы не натываются на гладкую поверхность телефона.

Экран оживает, обнаруживая новую трещинку; плохая примета, как с зеркалом. Носы ботинок Шарпа в футе от моего лица, черные и заостренные, так близко, что ему ничего не стоит выбить телефон у меня из руки. Садисты братья Гримм рано научили меня, что оставлять без внимания подобные предупреждения — себе дороже. В сказках «особенных девушек» вроде меня обычно кромсают на куски. Колдовство и дар предвидения — проклятия, из-за которых таким, как я, отрубают руки, лишают голоса, ботинками со стальными мысами пронзают до самых кишок.

Я достаю фотокарточки из-под стола и выбираюсь наружу — колени, ступни, задница. От его ботинок несет навозом. Этот ракурс мне не по душе: он нависает сверху, я стою у подножия дерева.

Шарп держит в руке снимок места преступления, сделанный с воздуха, вглядывается в свалку — свежий коричневый прямоугольник посреди пышных зарослей, и три расплывчатые белые фигуры в комбинезонах криминалистов, будто ангелы, опустились с небес на могилу.

— Я вас испугал, — произносит он, не извиняясь, констатируя факт.

Протягивает руку. Мозолистые кончики пальцев, короткие ногти. Я вижу, как его рука стремительным движением хватает за волосы чью-то голову, которая медленно опускается под воду.

Игнорируя его руку и образ, который вижу, я поднимаюсь с пола.

— Спасибо.

Забираю у него снимок, складываю в стопку к остальным.

Закрывается дверь. Пайпер, ты вовремя смылась. Майк прислонился к противоположной стене и сжимает в руке фотографии, подобранные с пола. Молчит. Уступает дорогу коллеге, даже не представил меня.

— Тивви, ведь так? — спрашивает Шарп.

Я поворачиваю голову.

— Или все-таки Вивиан? Вивиан Роуз Буше. Подходящее имечко для экстрасенса. Подстегивает воображение. Приходится соответствовать. С Шарпом та же история.

— Вивви, через «В».

Я тут же жалею, что пустилась в объяснения. Он не из тех, кто ошибается, разве что намеренно. Примечателен в моем имени разве что тихий присвист в «Буше». Французские корни, говорила мама. *Она сама придумала и вписала эту фамилию в наши свидетельства о рождении*, уверена моя сестра.

— Вивви не называет себя экстрасенсом, — вмешивается Майк. Я буквально слышу произнесенное: *«Я же тебя просил»*.

— У этого слова ругательный оттенок, — бормочу я. — Та же история, увы, со словом «христианин». Не все экстрасенсы говорят правду. Даже если искренне верят в то, что говорят.

— Вы христианка? — с нажимом спрашивает Шарп. — Поэтому, когда мы вошли, ваши глаза были закрыты? Вы с офицером Сайкс молились? Предпочитаете, чтобы люди не знали о том, что вы... христианка? Не любите в этом признаваться?

Джесс выдвигает стул и ставит на него ногу в ботинке.

— Я допрашивал множество людей, игравших с правдой. Патологических лжецов. Оскароносных

ДЖУЛИЯ ХИБЕРЛИН
НОЧЬ ТЕБЯ НАЙДЕТ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Екатерина Доброхотова-Майкова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Людмила Дубовая, Нина Писковитина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 12.05.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 27,44. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Y-RBD-35706-01-R